

Дмитрий Суслин

Царевич Ваня и серый волк

Дмитрий Юрьевич Суслин

Царевич Ваня и Серый Волк

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163969

Аннотация

Вернулся Царь Дубрав из дальнего боевого похода в Стольный свой город, а у него там сын подрастает, царевич Ваня, рожденный пленницей Поляной. Обрадовался царь и даже царицу свою законную Забаву прочь прогнал, а сыновей старших Ратмира и Ратибора отправил в поход, границы дозором обходить. Да только у Забавы тоже рабыня есть, колдунья хазарская. Она могильной землицы в постель Дубраву подсыпала, и стал он стариться не по дням, а по часам, и вот уже при смерти лежит. Старшие сыновья вернулись, Забава на трон села, а Ваню с матерью в темницу, и приказ наутро сжечь обоих. Удалось Ване из тюрьмы бежать, и отправился он в Киев град к царю Владимиру за молодильными яблоками.

Содержание

ПРИСКАЗКА	4
Былина первая	5
Былина вторая	11
Былина третья	16
Былина третья	20
Былина пятая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Суслин

Царевич Ваня и Серый Волк

Фантастическая сказка

ПРИСКАЗКА

А не бросить ли вам, друзья мои, дела свои неотложные и важные, да игры веселые и лихие, да не послушать ли сказочку былинную о делах старинных и древних давно минувших? Так давно это было, так давно, что уже и сказать нельзя, было ли это на самом деле, или просто люди в скучные вечера придумали. Только это уже не мое дело, верить ли всему этому или не верить, а ваше. Мое дело простое, рассказывать, да не забывать ничего, не перепутывать. Итак, если тишина кругом полная, и внимание только в мою сторону, я приступаю.

Былина первая НА ЦАРСКОМ ПИРУ

Огромное царство у царя Дубрава. Можно месяц на коне скакать от одной границы его к другой, а все равно не доскачешь. От славных предков получил он его и в свою очередь прославил. Всю молодость свою в боевых походах провел. Годами с коня не слезал. Не мало ближних и дальних племен покорил. После победы над соседями, присоединял их к своей державе, а дальние страны и народы данью облагал. И стало его царство богатеть и процветать, на зависть соседям, на страх врагам и на помощь друзьям.

Ну а как минуло царю сорок лет, так он воевать и прекратил.

– Хватить браниться, – сказал, – пора пришла и миром насладиться.

Снял он латы стальные и повесил их над своей кроватью царской, а рядом меч булатный прикрепил. А щита у него никогда и не было. Он еще в молодости, как взял штурмом древний Князьгород, сделал его своей столицей, да повесил над его воротами свой круглый щит, так новым больше и не обзаводился. Да и не нужно ему это было. Стрелы от его груди и так отскакивали, а копья да мечи вражеские ломались словно соломенные. Недаром его Дубравом звали. Крепче дуба столетнего он был. А силен, словно целая дубовая роща. А тот щит до сих пор над городскими воротами висит, и в народе поверье, что пока на месте он, никакой враг приступом Князьгород не возьмет.

Надел Дубрав белую длинную рубаху с расшитыми на ней красными петухами, да сел с женой своей царицей Забавой, да со своими славными дружинниками пировать. Тут к нему его бояре и пришли, поклонами да бородами полы подметая.

– Царь, ты наш батюшка, – обратились они к нему, – отец родной, вождь великий, да воин славный, дозволь слово молвить.

– Говорите, отцы царства моего, – ответил царь Дубрав.

И вышел вперед тогда самый главный боярин, старый словно мир, с бородой широкой седой окладистой. Обратился он к царю с такими словами:

– Всех ли ты врагов, разбил, что за стол праздничный садишься? Не рано ли пиры устраивать, когда на юге басурманские конники Пыলেখана шалят, а на северных морях лодьи с ледоморами безобразничают?

Вздыхнул царь Дубрав, кулаки сжал и ответил боярину:

– Ты, Брадомир, вроде и зовешься мирным да тихим, а все эти годы только и делаешь, что воевать меня заставляешь. Двадцать пять годков царствую, а только и делаю, что воюю. Одних врагов разобью, тут же другие появляются. И нет им числа. Словно яму копаешь. Чем больше от нее берешь, тем больше она становится. Вот и думаю я, может, хватит копать? Разве не велико наше царство?

– Велико, – согласились бояре.

– Разве не богато и славно оно?

– Богато, – согласились бояре. – И славно. Из-за дальних гор да морей в Князьгород короли и императоры послов с поклонами шлют.

– Так чего же вам еще надобно? – удивился Дубрав.

Поклонились бояре, задумались, затылки стали чесать.

– Вроде бы ничего более и не надо.

Царь рассмеялся:

– Вот видите? Стало быть, нечего и обсуждать это. Давайте за столы садиться. Эй, виночерпии, а ну открывайте бочки франкейского вина, что я у шаха Персея отнял.

Тут опять Брадомир слово взял.

– Погоди, батюшка, вино открывать, – сказал он. – Негоже пир начинать, пока дела не улажены. Как же все-таки с Пылеханом быть и с ледоморами?

– Экий ты, старик, назойливый, – сморщился царь, – словно муха. От тебя отмахиваешься, а ты снова налетаешь. Неужели мне сейчас опять на коня садиться да с каким-то там Пылеханом воевать?

– Негоже орлу мух гонять! Ясному соколу на стрекоз бросаться! – завопили дружинники, воины царские. – Не царское это дело! Не почетное!

– И то верно, – согласился Дубрав и пристально посмотрел на Брадомира. – Что ты на это скажешь?

– А то и скажу, что коли, сам не желаешь от ворогов страну очистить, пусть твои воеводы этим займутся.

Дубрав задумался, поник головой, длинные волосы по широким плечам рассыпал.

– Воевод у меня всего трое осталось, – сказал тихо. – Верные, преданные, словно псы. Не могу я их от себя отослать. А ну как для более важного дела понадобятся?

– И воевод не хочешь дать! – от гнева боярин даже посохом своим тяжелым о пол дубовый ударил. Такого себе никто при царе кроме него позволить себе не мог. Но знал боярин о своей древности да знатности, ведь еще с прадедом Дубрава великим князем Славославом бок о бок сражался, когда тот эту землю завоевывал. Вот и не боялся гнева царского. – Ну, тогда, не гневайся за совет, который тебе дам.

– Отчего же гневаться? – спокойно ответил Дубрав. – Твои советы никогда плохими не были. Говори. Слово даю, что гнева на тебя держать не стану.

– Два сына у тебя уже взрослые, – вкрадчиво сказал Брадомир. – Молодцы, хоть куда. Красивы и статны. А все дома сидят, около материнской юбки.

Жена Дубрава, царица Забава, как эти слова Брадомира услышала, так чуть не упала, но удержалась на ногах, потому что старая рабыня Хазария ее рукой удержала, и проглотила боярина таким ненавидящим взглядом, что любой другой бы сгорел. Но только не Брадомир. Старец спокойно продолжал:

– Не дело таких добрых коней в конюшне держать. Перестоят, так потом и зайцев не догонят, не только волков или куниц.

– Вот тут ты прав! – воскликнул царь. – Взрослые уже сыны мои, – и окинул он взглядом двух сыновей своих Ратмира и Ратибора. – Пора им уже и о славе своей ратной подумать. Я с пятнадцати лет на коне, меч из рук не выпускаю. С отцом своим сражался и в первых рядах бился, а в их годы уже земли к державе нашей присоединял. Чем же вы хуже, Ратмир, Ратибор? Неужто не надоело вокруг столицы мотаться. Да и дружины ваши, небось, боевой славы ждуют, не дождутся.

Два богатыря перед отцом головы склонили. А Ратмир и отвечает:

– Так ведь, батюшка, ты уже все завоевал, что мог. Нам не оставил ничего. Только охота, да скачки, все наши занятия.

Ответил царь:

– Новые земли завоевать, ума много не надо. А вот сохранить собранное, да богатства на месте приумножить, вот задача почетная. Вам ее и исполнять. Ты Ратмир, езжай на юг. Поставь на место Пылехана. Укажи нахалу, где граница владений наших. А ты, Ратибор, на лодьях в Море Студеное плыви, да разгони ледоморов, чтобы им больше не повадно было, наши воды мутить и берега грабить.

– Воля твоя, царь и отец наш, – вздохнули царевичи. – Завтра же в путь и отправимся. Вздохнул и царь, заметил:

– Что-то не вижу радости на челах ваших.

Тут все это время молчавшая царица горячо заговорила:

– Что же ты такое делаешь? – стала она упрекать мужа. – Или у тебя двадцать сыновей, что ты их с такой легкостью на гибель отправляешь? И куда? Одного в степь безжизненную, песок да пыль глотать, да дикарей ловить, другого во льды да в снега мерзнуть! А вдруг погибнут они смертью бесславной?

Гневом наполнилось царское сердце, а лицо краской стыда запылало.

– Цыц, баба! – прикрикнул он на царицу. – Хватит их под юбкой своей прятать! Сколь можно? Ладно, раньше я тебя слушал, жалел глупую. Не брал их в походы. Берег твое слабое материнское сердце. Доберегся. Трусов вырастила ты мне. Неженки. Смотри, у них усы и бороды уже на месте, а они меча в руках не держали, копьё метнуть не сумеют. Только и знают, что есть да пить, да смерти моей дожидаться, чтобы наследство поделить. Это уже стыд и срам на весь мир. Хватит. Сказал я, значит, завтра же они отправятся.

Но царица сдаваться не хотела.

– И не стыдно тебе, злодей? – говорит она при всех. – Ладно, сынов тебе не жалко, так меня пожалей! На кого ты меня одинокою оставляешь?

Тут царь совсем разгневался:

– А тебе меня мало? Мужа твоего законного, владыку державного?

– Что мне ты? Я тебя по пять лет, бывало, не видала, а деточки мои всегда при мне были. Опора и надежда моя. – Вот так непочтительно царица мужу отвечала. – Лучше сам ступай к своим басурманам.

– Ах, так! – вскричал Дубрав, который от предательских речей Забавы в ярость пришел. – Так ты заговорила? Сыны тебе дороже мужа? Так пусть же тогда не утром они в поход отправляются, а прямо сейчас. В эту минуту! Слышите? Таково мое слово царское!

Встали со своих мест Ратмир и Ратибор, злые и недовольные. Однако делать нечего. Гнев царский опасен. В пылу ярости Дубрав любой приказ отдать может. Поклонились они отцу и прямо из палат царских в поход отправились со своими дружинами. Один на юг, в степь басурманскую, другой на север к морю Студеному.

Слышит Забава, как во дворе кони ржут, люди кричат, да оружие боевое бряцает, белее снега от горя сидит. Последнюю попытку с царем примириться делает.

– Меня не жалко, – говорит Дубраву, – детей не жалко, страну свою пожалей.

– А чего страну мою жалеть? – удивляется Дубрав. – Что от двух бездельников избавилась?

– Двое ведь их только. Коли погибнут они, ведь наследников после тебя не останется. И смута великая после твоей смерти начнется.

Задумался царь. Улыбаться перестал. Слова жены обдумывает. А та видит сомнение его и пуще прежнего напирает:

– Главной опоры себя лишаешь, Дубравушка. Дети твои родные, кровные. Останови их, возверни назад. Больше никого у тебя нет, государь.

Еще крепче Дубрав задумался. Но тут за его плечом Брадомир заговорил:

– Не слушай слова сладкие, Дубрав. Сладкой ложью они наполнены. Ратмир и Ратибор никого не любят, ни страну, ни тебя, ни друг друга. Без ненависти брат на брата не взглянет. Только о троне твоём и думают. Весь бархат персейский на нем протерли, зады к нему примеряючи, да корону твою погнули, друг у друга вырывая. Случись с тобой что, передерутся, аки вороны за гнилую кость. Раздерут державу по частям. Распродадут. В умах то мысли у них только легкие. А в походах, глядишь, и потяжелеют. Узнают по чем лихо, да что значит, землю родную охранять и драться за нее. Другими людьми вернутся. Вот тогда тебе настоящей опорой станут.

И понял Дубрав, что прав старый боярин. Верны и дороги его слова, потому что мудростью житейской полны.

– Не отменю приказ, – говорит.

Забава расплакалась, вскочила с трона царского и к своей светлице побежала. Старая Хазария глянула на Дубрава черным недобрым взглядом и умчалась за своей госпожой.

– Ворона! – только и плюнул ей вслед Дубрав. – Эй, музыканты! Что-нибудь веселенькое.

Дударя загудели в рога и трубы, барабанщики удрали в бубны, а любимец царя гуслиар Гамаюн запел песню про последний поход Дубрава и его воинов.

Начался пир. Вино полилось рекой, мед разлился озерами, а брага словно море затопила весь Князьгород до самых его окраин. Веселится весь честной народ царства Дубрава. Только пушки в воздух палят, да петарды праздничные императором китайским присланные в небе разноцветными цветами вспыхивают. Красота!

Только царь сидит не весел. Не смешат его даже шутки скоморохов, да медведь дрессированный с петухом танцующим.

– А коли, и впрямь головы сложат? – тихо вдруг сказал царь сам себе.

Никто его не услышал кроме Брадомира, который хоть и был стар да древен, словно языческие идолы, что у реки неведомо кем поставлены, но слух имел, как у филина. Тут же царя утешать стал:

– Не следует о дурном думать. Зачем беду кликать? Коли звать не будешь, так она и не прилетит. Будет себе сидеть, черными крыльями хлопать. Ничего с твоими витязями не случится. Стальной клинок если послековки не закалишь, так от первого же удара разлетится. Так же и с царевичами. Не такие уж они и слабые, хоть и матушкой избалованные. Да воины с ними идут славные. В беде их ни почем не покинут. Я каждого проверял лично. Так что вернутся они целыми и невредимыми. Это я тебе без звездочета скажу.

– И все же мне грустно и горестно. Приехать не успел, жену обнять, а уже сыновей единственных со двора прогнал, как псов провинившихся. По-людски ли это, Брадомир?

– Теперь уже ничего не поделаешь, – ответил со вздохом боярин. – Погорячился ты. Слишком торопливо все свершил. Ну, так это твое царское дело. А слову своему ты уже не хозяин. Отменить его не в праве. Слабость проявишь, так о ней не только друзья твои прознают, но враги. А это ни к чему.

– Это верно, – вздохнул царь и протянул свою чашу за вином. Мальчишка виночерпий, со светлыми русыми волосами, голубыми глазами и доброй открытой улыбкой, тут же ее наполнил.

– А что сердце нечем утешить, то и в этом ты ошибаешься, – продолжал утешать царя Брадомир. – И сыновья твои не единственные.

– Как так не единственные? – удивился Дубрав. – Что ты такое говоришь, старик?

Брадомир в свою очередь удивился:

– Или ты памятью ослаб, Дубрав Дубравович? Не помнишь разве, я тебе личное письмо послал двенадцать лет назад, о том, что рабыня твоя Поляна, которую ты с пленницами привез после войны с царем Ильей Муромским, мальчонку родила? Сразу после того, как ты в поход на царя Давлата отправился, это было.

– Ну и что?

– А то, что твоя любовь была Поляна. Никто после тебя к ней подойти не осмеливался. Я сам за этим лично следил. А потом, когда ты с Ильей Муромским замирился и всех пленников ему приказал вернуть, она самолично остаться в твоей столице решила. И никто уговорить ее домой возвратиться не смог. А потом, как родила, и слышать об этом не хотела.

Царь продолжал недоумевать:

– И что?

Старик даже рассердился:

– Да ты впрямь как дитя неразумное, царь батюшка. Иль не поймешь, о чем я толкую? Или письмо мое не получал?

Тут до царя доходить начало.

– Получал. Только к битве тогда я готовился с Давлатом. Не до воспоминаний любовных было. Ничего кроме брани будущей в голову не шло. Видимо не придал значения. Мало ли пленниц в моем шатре побывало?

– Мало ни мало, а Поляну ты царицей обещался сделать, когда с Забавой разругался. Жаль, только помирились вы вскоре.

– Ну, это уже не твое дело. Так ты говоришь, что Поляна сына мне родила? Так ли?

– Точно утверждать не стану. Только похож на тебя больше чем Ратмир и Ратибор вместе взятые, – хихикнул Брадомир.

Знал Дубрав, что боярин пустых слов говорить не будет, и от волнения даже заерзал на своем месте.

– Так, где он, ты говоришь?

– А ты оглянись, да посмотри, кто тебе медом кубок наполняет.

Оглянулся царь, увидел мальчика виночерпия, увидел на его руке кольцо рабское и отпрянул.

– Ты что мелешь, старый леший? – в гневе воскликнул он. – Это же раб!

– Ну да, сын твоей рабыни, твой раб. С царских рабов кроме тебя никто кольца снять не может. А тебя дома в Князьгороде, ой как, давно не было. Аж двенадцать лет с лишним.

Посмотрел опять на мальчика царь Дубрав, и сердце его затрепетало от волнения, словно и впрямь родную кровь почувал. Да и как не почувать, коли вот он, словно сам в детство вернулся да в медное блюдо зеркальное глянул. Те же кудри золотые, те же глаза огромные, как с иконы писанные, и улыбка та же. Да еще и Брадомир на ухо нашептывает:

– Твоя матушка его любила пуще глаза. Сыночком своим называла. Даже Поляну в свои палаты забрала, чтобы мальчонка, значит, всегда при ней был. Жаль только, померла скоро. После этого Забава на кухню их велела отправить, и запретила под страхом лютой смерти тебе о них докладывать.

– И я ничего не знал? – царь даже встал с места. – Ну-ка, позвать сюда Поляну! И ты, отрок, подойди ко мне. Как тебя звать?

Все пирующие тут же затихли и почтительно уставились в царскую сторону.

А мальчик испуганно прижал к себе ковш, в котором плескалась сладкая медовуха, и осторожно приблизился к царю.

– Ванькой меня зовут, – пробормотал он, но увидел, как гневно поднялись царские брови, поправился. – Иваном то есть. Ваней.

Обнял его царь Дубрав и прижал к себе, а тут и Поляну из кухни привели, перед царем поставили. Поглядел он на нее и вздрогнул, дар речи потерял на некоторое время, потому что и раньше, когда он ее с войны привез тринадцать лет назад, она красоты неописанной была девушка, шестнадцатилетняя, так теперь еще краше стала, и не портила ее даже простая грубая одежда кухарки. Наконец царь заговорил:

– Ответь мне, Поляна Всеславовна, дочь воеводы Муромского, пленница моя дорогая, перед богом небесным и перед людьми здесь стоящими, что за отрок стоит рядом со мной. И кто он мне?

– Это сын твой, царь Дубрав Дубравович. Сынок твой Ванюша. Клянусь тебе в этом жизнью своей и его. Веришь ли клятве моей? Признаешь ли его сыном своим или с глаз прочь прогонишь?

Посмотрел на Ваню царь Дубрав, посмотрел в его глаза синие и чистые, словно небо весеннее и снова обнял его крепко-крепко, потом схватил с его руки браслет с клеймами рабскими и, разломив на куски, прочь выбросил. Громко, чтобы все слышали, объявил:

– Признаю сына моего Ивана. Ивана царевича!

И тут все радостно закричали «Ура!», подняли кубки и стали пить за нового царского сына. А Ваню Дубрав рядом с собой усадил, а рядом с ним и мать его Поляну, у которой перед этим так же сломал и вон выбросил знаки рабские.

Так сын царской рабыни, кухаркин сын стал царевичем.

Былина вторая ОТЕЦ И СЫН

Вот такая судьба бывает. Еще вчера бегал Ваня в простой рубашке и сермяжных штанах с заплатками на кухню к матери, которая там работала от зари до зари, а сегодня, гляди ты, надели на него одежды царские, шелковые да атласные, шитые серебром да золотом, а на ноги красные сапожки, мягкие и удобные обули. На русую голову обруч серебряный возложили с рубином надо лбом. Даже временный наряд виночерпия, что ему для пира ключница Пелагея выдала, по сравнению с этим нищенскими лохмотьями кажется. И матушку одели, словно царицу заморскую, каких только в книге дьяка Ануфрия можно увидеть. Сарафан, какого даже у царицы Забавы нет, рубашка белее снега, а кокошник на голове жемчугом усыпан да камнями самоцветными. У мальчика даже дух захватило, когда он матушку в этом новом обличье увидел. А Поляна, увидев сына с царским обручем на голове, обняла его и заплакала.

– Ты чего горюешь, матушка? – удивился Ваня. – Разве не хорош я в платье царевича? Разве не идет мне корона наследника? Не об этом мы мечтали с тобой темными тоскливыми вечерами?

– Ах, соколик, ты мой, ненаглядный, – ответила мальчику матушка. – Красив ты и пригож в наряде новом. Глядят глаза мои на тебя, и наглядеться не могут. Только вот тревога в сердце моем материнском поселилась с той минуты, что увидела тебя с венцом серебряным. Выдержит ли его твоя головушка? Не слетит ли с плеч от сабли злодейской, до крови царской охочей? Может, лучше нам было рабами оставаться, пленниками?

– Ну, уж нет, – не согласился мальчик, – сколько лет мы томились с тобой, царя Дубрава и свободы своей ожидая? Сколько намучились, пострадались? Сколько насмешек вынесли? Лучше умереть свободным в борьбе с недругами нашими, чем жить рабами в плену тягостном!

– Правильно говоришь, царевич! – раздался голос за их спинами.

Ни мать, ни сын не заметили, как подошел к ним Бradoмир.

– Всегда я твоим умом и словами радовался, а теперь настоящий восторг чувствую. Не ошибся в тебе. Выполнил последнюю волю царицы матушки, бабушки твоей покойной.

Бросилась к Брадомиру Поляна, упала перед ним на колени. Взмолилась:

– Боярин великий, Брадомир Вольгердович, ты всегда к нам добр был, никогда словом не обидел, руки не поднял. Не оставь и сейчас! Мудр ты, и добр. Стань сыну моему опорой, защити его от злобы людской, от коварства соперников, от яда предателей. Будь на его стороне, коли царь от сына вдруг отвернется, или разгневается на неразумного.

Отвечал ей боярин:

– Встань Поляна. Негоже тебе теперь на колени бухаться. Даже передо мной, дядькой царским. Ты теперь не пленница и не рабыня. Ты теперь мать царевича законного, наследника трона царского. – Нагнулся он к самому уху Поляны и прошептал: – И, кто знает, что в будущем деется? Может и царицей тебе быть на троне царства нашего?

Отпрянула от него Поляна в ужасе смертельном, воскликнула:

– Что ты говоришь то? Опомнись, Брадомир Вольгердович! Такие речи вдруг да Забавы дойдут? Не снести тебе головы тогда. Ведь жива она, и пуще смерти черной боюсь я ее. Особенно теперь, когда все так случилось.

– Ладно, хватит речи пустые вести, – перебил ее Брадомир, – рядом отрок глупый. Ни к чему ему брехню нашу пустую слушать. Ступайте к столу. Царь там вас дожидается. Хочет, чтобы сын его новоявленный ко сну его проводил. С этим и шел я к вам.

Поспешно ушли Поляна и царевич Ваня. Побежали к пирующим.

– Жива Забава, жива, – тихо сказал сам себе Брадомир. – Да только не сгубит ли она сама себя злобой лютой? Не раздавит ли ее трон царственный, сыновьями не разделенный? – Сказал он так, и пошел вслед ушедшим. Только по пути ему кошка попала черная. Прямо под ноги бросилась. Недовольно сапогом отпихнул ее боярин. – А, нечисть проклятая! Пшш-ла, вон!

Мякнула обиженно кошка, желтым недобрый глазом посмотрела вслед боярину. Когда скрылся он в коридоре темном, она побежала в другую сторону, мягко по половицам лапками ступая. И прямо в покои царицы Забавы прибежала. Прыгнула к государыне на колени и стала тереться о ее руку, прося погладить себя. Царица ее приласкала, кошка прыгнула на пол и стала кататься на половице, на которой кошачья морда была вышита. И вдруг через секунду уже не кошка, а рабыня царская Хазария стоит перед ней. Страшная, горбатая с седыми космами из-под черного платка выбившимися. Кинулась к ней царица:

– Ну, Хазария, рабыня моя верная, нянька моя ласковая, говори, что узнала, поведай о том, что выведала. Что там было после моего ухода? Почему слуги со мной не разговаривают? Почему девки-чернавки глаза от меня отворачивают? Почему бабки слезы утирают, на меня взглянув? Неужели так велик гнев царский, что и глядеть он на меня больше не захочет, да слушать не станет?

– Ой, матушка, царица, плохи дела твои. Ох, плохи! Царь Ваньку, ублюдка своего Поляной прижитого сыном признал, корону на него возложил и в одежды царские обрядил. Глядит на него, насмотреться не может.

Охнула царица от ужаса, задрожала от злобы, на постель повалилась пуховую, на подушки лебяжьи. Поились слезы по ее лицу прекрасному. А Хазария продолжает:

– Говорила я тебе, извести их обоих надо было, и мать и сыночка. Говорила. Да только не слушала ты меня, неразумная. Не хотела греха брать на душу. И вот, чего добилась? Сыновья твои родные, царевичи законные на войну отправлены, под стрелы да копья вражеские, и неизвестно вернутся ли теперь. А царь с незаконным мальчишкой смазливый дружбу водить начнет. Так и корону ему оставит. А может и тебя прочь выгонит, как и сынов твоих. А Полянцу царицей сделает. Воевать перестал, сразу на женщин глядеть начал. Всего теперь ожидать можно. Своими глазами видела. Милы ему Поляна и Ванька. Милы и любви. И злодей Брадомир на их стороне. Тоже от тебя отделаться хочет.

И Хазария рассказала царице обо всем, что нам с вами уже известно.

– Что же мне делать? – со стоном и плачем воскликнула Забава. – Посоветуй, Хазария! Научи!

– Теперь я и не знаю, что делать. Все уже сделано.

– Давай изведем Полянцу с мальчишкой ее. Никакого яда не пожалею. Полно зелья в твоей сумке, Хазария.

– Раньше надо было их губить. Раньше. Теперь защитник у них есть. Великий защитник. Царь Дубрав. Коли дознается, сразу наши головы с плеч полетят. – Хазария стала думать. – Прямо их не погубишь, пока царь за их спинами стоит. А коли так, то его убрать и надобно.

– Кого? Дубрава?

– Да.

– Да ты что? – Забава даже побелела от ужаса, когда до нее дошло сказанное Хазарией. – Свихнулась, старая?

– Мое дело совет дать, твое им воспользоваться. Не хочешь, не слушай. Не желаешь, не делай. Только слышу я свист стрелы степной в грудь Ратмира направленной, да вижу темную хладную воду, в которую лодья Ратибора, врезавшись в гору ледяную, уходит.

– Говори, Хазария, говори! – воскликнула, хватаясь за сердце, Забава. – Все сделаю, все, что посоветуешь.

Погладила ее по голове Хазария и улыбнулась ласково:

– А тебе ничего делать не надобно, дитятко ты мое, я сама все сделаю.

– И яд сама найдешь, зелье страшное?

– Нет, ядом Дубрава не свалишь. Этот дуб никакого яда не боится. Его только чарами злыми одолеть можно. Колдовством черноморским, заклинаниями хазарскими, древними хуннами оставленными. Для тебя я сама все сделаю. Свалим мы этот дуб, а потом ты письмом сыновей из похода вернешь. И им скажешь, что отца их Поляна извела колдовством из глухих Муромских лесов принесенным. И казнят они и Поляну и Ваньку ейного по закону праведному по Правде Царской, и пособника ихнего Брадомира тоже, беса старого. Одним ударом от всех врагов избавимся. И после царствовать станут Ратмир и Ратибор, а ты над ними царицей будешь. Над ними и над всем царством Дубравовым.

Так шептала царице Хазария, колдунья старая, ведьма злая и коварная. И глаза ее горели при этом желтым светом, как у филина. И сгустились черные тучи над теремами царскими, да над Князьгородом белобашенным.

Но никто этого не видел, потому что все веселились, и царский пир был в самом разгаре. А как же иначе. Целую неделю будет гулять Князьгород, отмечая возвращение царя Дубрава из тяжелого похода. Двенадцать лет не видела столица своего царя. Не посещал он ее, только гонцов с указами присылал, а сам только и делал, что воевал да бился во славу государства своего. То с одним государем, то с другим, то на юге с ордами дикими, то на севере с ледоморами свирепыми, то на востоке с конниками легкими и стремительными, то на западе с рыцарями в латы тяжелые закованными да крестами черными увенчанными. В столицу заглянуть все недосуг. Только в города торговые, что на окраинах царства расположены и видели за эти годы царя своего державного. И вот теперь праздник великий гремел над Князьгородом.

А царь сидел за главным столом высоким и разговаривал с сыном, по правую руку от него сидевшим.

– Ну, рассказывай, сыне, как ты живешь, что любишь, что умеешь, чем похвастать можешь, а чего скрыть хотел бы. Все говори. От царя скрывать ничего нельзя. Царь, это Бог земной, заменяющий на земле царя небесного.

А царевич Ваня смотрит на отца и от восторга сказать ничего не может. Только улыбается, да глазами моргает. Царь даже встревожился:

– Уж не дурачок ли ты, дитятко?

– Нет, царь, – обиделся Ваня, – я не дурачок. И даже грамоту разумею. Меня к дьяку Ануфрию Брадомир Вольгердович приставил, вот он и выучил.

– Вот как, так ты грамотный?

– Ага. И не только по-нашему, но и романскому и греческому языкам обучен, читать могу и на наши слова перекладывать. Только разговаривать не умею.

У царя даже глаза на лоб полезли от удивления.

– И сколько же розог истратил на тебя дьяк, прежде чем тебя всему этому выучить?

– А нисколько! – гордо ответил Ваня. – Ни разу он меня не высек.

– Это почему же? – улыбнулся Дубрав. – Или гнева твоего испугался. Обещался ты его повесить, когда царевичем станешь?

– Вовсе нет. Просто учился хорошо вот и все. Дьяк Ануфрий только дураков сечет, да лодырей.

– А ты не дурак и не лодырь.

– Выходит что так.

Царь вовсе развеселился.

– Ай да Ваня! – воскликнул. – Ай да молодец! Утешил сердце отцовское, тем, что в науках преуспел. Время и впрямь настает такое, что науки книжные полезнее, чем умение ратные. Державу то мы расширили, пора теперь ее вровень с иноземными государствами поднимать, а это без знаний да ума острого не сделаешь. Но что-то я спать захотел. Пусть народ празднует, а мне на покой пора. Чай я не железный, хоть дубом и зовусь, а все ж глаза закрываются. Вот жизнь мирная, сразу богатыря расслабила, мягче хлебного мякиша сделала. Проводи-ка меня до покоев моих, Ванюша, Окажи уважение.

Царевич Ваня рад стараться.

– Это мне великая честь, государь, тебя до спальни довести, – отвечает он царю и плечо свое хмельному батюшке подставляет. А по пути темными да узкими коридорами, продолжает отцу про себя рассказывать. – Я ведь не только читать и писать умею, но и на коне скакать, и из лука стрелять могу. И саблей и мечом отпор врагу смогу дать, коли понадобится. А за тебя, батюшка, голову сложу и глазом не моргну.

Идет Дубрав, Ване в глаза смотрит, видит, что не врет малец, искренне говорит. Ноги у царя заплетаются от медов сладких да вин фракейских, да гишпанских, а на лице улыбка. Приятно ему такие речи слышать от сына нового. От Ратмира да Ратибора он ничего подобного никогда не слыхивал. Только просьбы одни, да жалобы друг на друга.

Дошли они до покоев царских, Ваня отца уложил на постель и сам с него сапоги снял, да одеялом укрыл, сладких слов пожелал и дождался, когда тот уснет, только тогда вышел.

– Завтра, сынок, тебя с собой на охоту возьму, – перед тем, как уснуть, пообещал мальчику Дубрав.

Вышел из царской спальни царевич Ваня, хотел было к матушке в светлицу, которую для нее выделили, побежать, да вдруг увидел своего дружка прежнего Антошку. Еще вчера вместе по двору бегали да поручения ключницы выполняли, да подзатыльники получали. Антошка парень веселый был, насмешливый, и петь и плясать и на гусях да на дуде играть мастак был, поэтому во время пиров да праздников скоморохом был. Вот и сейчас на нем колпак дурацкий был, щеки свеклой выкрашены, красная рубаха с кушаком, да бубен в руках, и улыбка до ушей.

– Куда это ты собрался, царевич? – хитро спрашивает он у Вани.

– К матушке иду. Ночевать пора. Завтра на заре государь обещал меня на охоту с собой взять.

– Ты теперь не у матушки должен спать, – важно сказал Антошка. – А в своей светлице.

– А ты почему знаешь?

– А по том, что я к тебе слугой приставлен. Вот.

– Кем приставлен?

– Боярином Брадомиром. Вот. Что не веришь? Пойдем, покажу тебе твои покои, царевич.

И повел он Ваню по дворцу в самый дальний терем, где и впрямь для царевича были покои отдельные приготовлены. Слуги царские скоры на руку.

– Вот твои палаты. Хочешь спать? Вот твоя постель. Видишь, какая большая? Таких как ты пять на ней спать может.

И Антошка начал снимать с Вани рубашку. Ваня вырвался от него и с возмущением воскликнул:

– Ты что, Антошка, беленов объелся? Что ты делаешь?

– Да я же тебя раздеваю, – усмехаясь, ответил скоморох.

– Нечего меня раздевать! Что я убогий, что ли какой? Сам разденусь.

Антошка только головой покачал:

– Посмотрим, что ты дальше петь будешь. Ночей этак через десять. Без слуг и зевать не сможешь.

– Дурак ты, Антошка, – огрызнулся царевич Ваня. – Не зря в дурацком колпаке ходишь. Слово тебе даю, что без слуг смогу жизнь прожить.

– Что дурак я, так на то воля господская, – грустно ответил Антошка и посмотрел на свою правую руку, на которой у локтя, как и Вани, совсем недавно, рабское кольцо было. – Не царский сын. И грамоте меня никто не обучал. От дьяка кроме пинков ничего не видел. А что ты слово дал, так его еще сдержать надо.

Понял его грусть царевич Ваня, подошел к другу, в глаза глянул, прошептал:

– Обязательно попрошу для тебя у батюшки свободу. А не даст, сам твое кольцо сломаю.

Былина третья ЦАРСКАЯ ОХОТА И ДАР РЕЧНОЙ ПРИНЦЕССЫ

Следующие три дня были самыми счастливыми в жизни новоявленного царевича.

Еще туман стелился по сырой земле, а стражники на стенах Князьгорода зевать лишь начали, отправился царь Дубрав на охоту с дружиной верной, в боях испытанной, и сына Ваню с собой взял.

– На тура сегодня идем, великана лесного, – радостно объявил царь. – Эх, давно не тешил себя я охотою!

Сел он на коня своего вороного, такого же, как и он сам крепкого да могучего. Аж земля под ними загудела.

Ваня увидел, что и к нему подвели коня белогривого, скакуна арабского, длинноногого. Растерялся мальчик, смотрит на него, глазам поверить не может. Действительно ли его это жеребец, или только кажется. А царь глядит на него исподтишка, да в бороду посмеивается. Тут к царевичу Антошка подбежал:

– Изволь ногу подставить, царевич, – говорит, – подсажу.

Вспыхнул царевич Ваня до корней волос, гневно на друга глянул:

– Разве забыл ты, что я сказывал? Не надобна мне твоя помощь услужливая. Я и сам на коня сесть сумею.

Сказал так, и прыгнул в седло. Жеребец заржал громко и на дыбы вскинулся, чуть седока со спины не скинул. На силу удержался царевич на нем, обеими руками в гриву шелковую вцепился, губы закусил, но не сорвался.

Еще раз попытался скинуть его жеребец арабский, гордый сын земли восточной загадочной. Но теперь уже и Ваня был начеку, так сжал ногами бока лошадиные, что как влитой на коне сидит, как тот под ним не гуляет. Так и удержался до конца, пока скакун его власть над собой не признал, не вздохнул покорно и морду не склонил в поклоне перед своим хозяином.

– Укротил! – воскликнул Дубрав громким голосом. – Укротил окаянного! А ведь никто этого молодчика усмирить не мог до сего дня. Знать тебя одного он и дожидался, сын.

И дружинники царские одобрительно головами в ответ закивали, улыбаясь сквозь усы и бороды:

– Хорош сынок у царя, ловкий отрок и наездник лихой.

И отправились они на охоту. Под звуки трубы торжественные выехали из ворот Князьгорода да помчались по земле стремительно, к лесам дремучим и темным, где тур скрывался. Решил царь земной с царем лесным силой померяться.

К полудню загнали охотники гордого красавца в лощину узкую, а там его уже Дубрав для поединка дожидается. Рядом с ним царевич Ваня стоит, в руке копьё держит, которое отцу подать в нужную минуту будет должен. Волнуется Ваня, аж руки у него вспотели. А ну как чего не так сделает? Перед батюшкой опозорится? Но Дубрав спокоен и величествен, сына доброй улыбкой успокаивает.

– Все хорошо будет.

И вот прекрасный тур, огромный, рога до вершин деревьев достают, появился среди деревьев и прямо в их сторону поскакал. Мышцы на его теле вздулись от бега, из-под ног земля пудами летит. Нешто есть такая сила, что его остановить способна?

Протянул копьё царевич Ваня царю, и тот навстречу лесному царю без страха, без дрожи вышел. Увидел его тур, рога опустил и помчался с намерением смести человека со своего пути, словно щепку ненужную.

И сшиблись два великана, два богатыря, один в обличье зверя невиданного, другой человек, прекрасной женщиной рожденный. Только деревья зашатались по всей округе, да листьев всех своих сразу лишились, вниз сбросили.

Стали драться царь Дубрав и тур-великан. В сражении честном, в поединке славном.

Копье свое царь в бок зверю воткнул, обагрилось оно кровью и сломалось, до сердца тура не достав. Ударил рогами тур человека прямо в грудь открытую, только не достал, схватил их руками могучими Дубрав. Схватил и стал к земле клонить. От такой борьбы тягостной налились у обоих глаза кровью алой, по телам пот обильный потек. Земля под ногами дрожит, ветер вокруг борцов ходуном ходит.

Царевич Ваня все это своими глазами видит, да поверить не может. Оцепенел от ужаса. Шагу ступить не может. Да и не смеет. А ну как помешает отцу? Отвлечет его движением неразумным? Когда царь в поединке бьется, никто права не имеет вмешиваться. Государь в помощи не нуждается.

А Дубрав постепенно одолевает тура начал. Раньше у зверя силы кончаться стали. Подогнулись сначала ноги у него передние, потом и сам он на бок повалился. Глаза затуманились, бока ходуном заходили. Того и гляди расстанется душа тура с телом бранным и полетит в свой туриный рай.

Похлопал руками царь Дубрав и обнажил меч свой охотничий. Царевичу Ване протянул, что рядом стоял, от восторга слова не в силах вымолвить:

– Добей тура, Ванюша, да вынь сердце его гордое.

Ваня недоуменно на отца глянул, к мечу даже руки не протянул.

– Что ты такое говоришь, царь отец? Не могу я сделать этого?

– Это почему же? – удивился царь. – Боишься?

– Не боюсь нисколько. Да только, тот, кто со зверем сразился в поединке честном, в бою не на жизнь, а на смерть, тот только его убить и может. Таков закон охотничий. Такова Правда лесная. И сердце его съесть и силу принять противником поверженным тоже только он может.

– Верно говоришь, и Правду верно знаешь, – ответил довольно Дубрав и повернулся к поверженному животному. – Честно я тебя убил, не предательски. Не держи на меня зла, гордый царь лесной, прости за жизнь отнятую и отправляйся с миром в свой последний путь.

Сказал так Дубрав и единым взмахом избавил зверя от страданий. Подбежали к нему дружинники, охотники, собаки верные с победой поздравляют. Егеря костры зажигают, столы тут же в лесу столы накрывают, бочки с вином раскупоривают, к пиру готовятся. По всему лесу торжество царское слышно.

Уже вечером за столом, когда Дубраву поднесли сердце тура зажаренное, он кусок от него отделил и сыну протянул:

– Ешь, набирайся силы государя лесного.

– Но Правда... – хотел было возразить царевич.

– Ешь! – перебил его Дубрав. – И не спорь со мной. Мое слово – Правда и есть. Копье мне вовремя подал, ни мгновением раньше, ни мгновением позже. Значит и твоя доля в моей победе есть. Так что ешь, раз царь велит, выполняй, что отец приказывает.

И Ваня послушно вцепился зубами в капающий жиром и дымящийся жаром кусок мяса.

На следующее утро, как только рассвет позолотил верхушки безбрежного лесного моря, сложили охотники шатры шелковые, сели на коней и выехали в чистое поле. Егеря подбежали и царю с царевичем по соколу протянули.

– Эх, погоняемся за птицей быстрой! – воскликнул Дубрав. – Давненько не бил я с лету белого лебедя и серую утку, журавля серебряного и пеликана золоченого.

До полудня забавлялись охотники соколиной охотой, все стрелы поистратили, зато и птицы набили несчетное количество. Царевич Ваня ни на шаг от отца все это время не отставал, делал все, что он делает, повторял каждое его движение. И несколько раз так из лука лихо стрельнул, что Дубрав даже позавидовал.

– Хорошо стреляешь. Прямо в сердце бьешь без промаха. Где такому искусству обучился? Тоже у дьякона?

Ваня засмеялся:

– Нет не у дьякона.

– А где же тогда?

– В саду боярина Добробрюха. С друзьями яблоки сбивал, вот и научился.

Дубрав расхохотался:

– И я мальцом этим делом баловался.

Когда соколиная охота наскучила, выехали они к реке Дунеп, расправили невода шелковые, сети серебряные и стали рыбу ловить. Целую гору к вечеру наловили и севрюги и стерляди, и щуки с осетром, и корюшки с пескарем, и Сома Сомовича и Ерша Ершовича. Так что и на уху жирную наваристую хватило рыбешки мелкой, и на подносах серебряных горы мяса рыбьего. Наелись все до отвала.

А с Ваней царевичем во время ловли рыбы и вовсе история произошла необыкновенная. Да такая удивительная, что он о ней и рассказывать никому не стал, решил, что не повесят ему, засмеют только.

Как уху варить начали, так решил он искупаться в воде прозрачной, освежить да напоить водной силой тело от охоты уставшее. Охладить кровь горячую. Разделся и с высокого берега в воду бултых, только круги пошли в разные стороны. Плавал он ничуть не хуже рыбы любой, очень скоро на середине реки оказался, на спину лег, в синее небо поглядеть решил. Лежит, отдыхает, облака считает. Вдруг чувствует, что-то холодное и скользкое его спины коснулось. Протянул руку и хват! Смотрит, в ладони у него малек бьется. То ли осетр маленький, то ли стерлядка.

– Отпусти меня, царевич Ваня, – человеческим голосом говорит. Тихо, словно шепчет. Оно и понятно. Рыба ведь. – Ни к чему я тебе. Ухи из меня не сваришь, и уж тем более голод не утолишь. Отпусти, любое твое желание выполню?

От удивления Ваня чуть не захлебнулся. Слышал он, конечно, что рыбы разговаривать умеют, когда хотят, да только своими ушами впервые услышал. Разжал он руку и выпустил малька на свободу:

– Плыви, детеныш рыбий, да в следующий раз не попадайся. И ничего мне от тебя не надобно. У меня и так все есть.

Малек махнул хвостом, шаловливо улыбнулся мальчику, водой в лицо ему три раза плеснул. И приговаривал при этом:

– Это сейчас тебе ничего не надо, а в жизни многое, что сгодиться может. Я не просто малек, я царская дочь, речная принцесса. Король Осетр и Королева Стерлядка родители мои. Я у них единственная. За то, что не стал обижать меня, и на волю выпустил, наделяю я тебя даром понимать язык зверей лесных, птиц небесных, рыб речных и морских, деревьев и трав. Прощай, царевич Ваня. Больше мы с тобой уже не свидимся.

Растерянный на берег вернулся мальчик. Не верится ему в происшествие с ним случившееся.

Настал третий день. Последний для охоты царской.

– На кого пойдем? – спросил царь дружинников. – На вепря, кабана неразумного и дикого яростного, или на медведя, что мед с пасек ворует?

– На медведя! – закричали все. – Возьмем его на рогатину!

А и впрямь, на медведя охота интереснее. Вепря бить то же самое, что с туром сражаться, а на медведя с голыми руками идти надо. Никакого оружия. Только борьба честная. Кто кого первым повалит, тот и победитель.

И помчались охотники обратно в темный лес, да выгнали из оврага колючего медведя древнего. Вылез он, заревел, встал на задние лапы, и роста такого оказался, что чуть не выше деревьев. Даже выдавшие виды царские воины назад попятнулись, от страха лица руками позакрывали. Только один царь Дубрав не дрогнул. Смело вперед вышел, прямо на зверя дикого пошел. Без оружия всякого. Без меча булатного, без копья длинножалого, даже шлем на голову не надел.

Встретились они с медведем и стали бороться. Не видел еще мир боя такого жестокого, драки молодецкой. Медведь был силен, как гора, но не слабее его был царь Дубрав. Только заскрипели мускулы могучие, от усилий тяжких.

Дружинники своего вождя криками да хлопками подбадривают, темный лес ревет головами звериными, своего медведя батюшку поддерживает.

И бойцы сражаются, то медведь человека к земле клонит, то человек медведя на спину ломает. Катаются по земле, хрипят и режут от усердия. Из пасти медведя человеческие слова вылетают, человек звериным рыком орет. Все смешалось в схватке. Ничего понять нельзя.

И все же одолел медведя Дубрав Дубравович. Хоть и разодрана на нем была рубаха, да кровью залита, только обхватил он зверя руками могучими, да оторвал от земли и душить его начал. Затрещали кости медвежьи, зарычал он от боли и ужаса.

И тут царевич Ваня сам не понял, как около отца оказался. Дернул его за рукав и взмолился:

– Отпусти его, батюшка на землю мягкую, не души больше, не дави деда старого. Больно ему, просто мочи терпеть нет. Признал он твою победу. Клянется верным быть и, если беда приключится, помочь обещает.

Больше от удивления, чем от послушания Дубрав опустил медведя на землю и руки разжал. На сына удивленно воззрился:

– Ты ли это молвил, или мне почудилось?

– Я, – смело, глядя царю в глаза, ответил мальчик.

Посмотрел Дубрав на сына, и не знает, что ему делать, гневаться, что помешали его боя завершению, или смеяться над речами отрока неразумного. Только потом глянул он на медведя поверженного, встретился с его взглядом покорным жалостливым и понял, что не глупость сказал сын, а правду верную.

– Значит, отпустить его просит медведюшка?

– Да. Челом тебе бьет отец всех зверей лесных. Живота просит, а не смерти лютой.

А медведь и впрямь голову клонит, ревет жалобно. Досадливо царь поморщился:

– Не привык я врага так отпускать. Ну да ладно. Угожу тебе, царевич.

И отпустил царь медведя восвояси. Побежал косолапый, только пятки засверкали. А только Дубрав все равно недоволен остался. Не потешил до конца душу царскую.

– Эх, испортил ты мне охоту, сынок новоявленный, – сказал царевичу Дубрав. – Эй, молодцы, а ну собирайтесь. В Князьгород возвращаемся. Закончена охота царская. Пора за дела государственные браться.

Былина третья ВСТРЕЧА С ВОЛХВОМ КУДЕСНИКОМ И ЕГО ПРЕДСКАЗАНИЯ

Поехал царь Дубрав со свитой своей обратно в стольный город свой. Едет, невесел и хмур. Все жалеет, что с медведем не покончил. Переживает, что из-за капризов мальчишки перед воинами своими опозорился.

Царевич Ваня видит все это и сильно переживает. Не хотел он отца разгневать. Не хотел. Просто медведя пожалел, когда тот заревел и стал пощады просить. Внезапно мальчик понял все, что он говорил. Видно и впрямь речная принцесса его знанием языка зверей и птиц наградила. Наполнилось его сердце мальчишечье жалостью. Да и как же может быть иначе. Ведь в любой драке принято, коли просит живота соперник, признает победу над собой, значит отпустить его надобно. А царь отец и не слышит слов медвежьих, вернее слышит, да понять не может. Вот он ему их и донес.

– Не гневайся на меня, батюшка, – стал он просить царя Дубрава. – Не хотел я у тебя победу отнять. Так вышло.

– Так вышло? Отчего же?

– Просто язык зверей мне теперь стал знаком. – И царевич Ваня рассказал царю о том, что с ним произошло накануне на реке.

Слушал его царь, и постепенно гнев стал спадать с лица его. А затем и вовсе улыбкой сменился.

– Ох, и ловок ты, братец сказки рассказывать! – воскликнул Дубрав под конец рассказа Ваниного. – Хоть гусли в руки бери, да за стол садись.

– Не вру я! – обиделся царевич Ваня. – Правду говорю.

А Дубрав только смеется:

– А коли не врешь, то расскажи, что сейчас вон та белка щебечет?

Прислушался Ваня и говорит отцу:

– Она подружке кричит; «Когда люди уйдут, приходи ко мне соседка, я богатый куст орехов нашла. Покажу. Погрызем, поболтаем!».

Царь так расхохотался, что чуть с коня не упал. Рассмеялся и царевич Ваня. Хлестнули они коней шелковыми плетками, и поскакали вскачь, кто кого обгонит.

– Сейчас посмотрим, кто резвее, мой ли Бурка, или твой басурман, Сарацин белоснежный! – крикнул Дубрав.

И помчались кони, только грохот от их копыт на весь лес стоит. Вмиг дружина верная далеко за спиной осталась, лишь тревожно загудели рога егерей да сокольников.

Скачут царь и царевич на быстрых конях от веток коварных посечь стремящихся, уклоняются, только обогнать друг друга не могут. Бурка конь царский хоть и быстрый да лихой, да больно ездок у него тяжелый да могучий. С таким не полетаешь. Он привык строй вражеский, щитами да копьями закрытый ломать, а не бегать. Зато арабский конь, хоть и молодой, да резвый, словно молния. Мчится вперед, только ветер свистит, его обдувая.

Наконец остановился первым царь Дубрав. Не осмелился опередить его царевич Ваня и тоже остановил своего Сарацина.

– И конем ты управляешь ловко, – довольно заметил царь. – Прямо всем хорош, царевич Ваня.

Поехали они, молча дальше. И смотрят лес вокруг них темный, да мрачный. Угрюмые ели лапами своими всю землю закрыли. А на земле ни травинки, ни цветочка, только мох гнилой, да седые проплешины, плесенью укрытые.

– Что-то мы, сынок, не туда забрались, – сказал царь Дубрав. – Не помню я в моих лесах таких мрачных мест.

– Слишком велика земля твоя, государь, – ответил Ваня. – Всего за всю жизнь не осмотришь. Возвращаться к охотникам надо нам.

Стал он слушать внимательно. Только трубы уже далеко позади гудят, царя да царевича кличут.

Повернули они коней, да обратно поехали. Только через несколько шагов, перед ними словно из под земли избушка выросла. Низкая да черная, ни одного окошка, даже самого маленького. А перед ней старик столетний сидит, белый, как лунь, бородой аж до самой земли оброс. Сидит на пне трухлявом, на коленях книгу древнюю держит, слезящимися от старости глазами читает.

– Ага, вот и волхв лесной, кудесник древний, – обрадовался Дубрав. – Он нам дорогу и укажет. Верно ли едем, старец почтенный?

– А ты, царь, всегда только вперед едешь, – ответил старик. – В какую бы сторону коня не поворишь, все к цели намеченной приедешь.

– Это верно, – самодовольно улыбнулся Дубрав. – Моя дорога, словно копье. Прямая и прямо в цель бьет. А скажи мне, правду люди говорят, что вы волхвы все на свете знаете, и что было и что есть и что будет?

– Ни что на земле от нас сокрыться не может, – ответил старик и перелистнул в своей книге страницу. За все время разговора, он так и не прекратил чтения, и на царя даже не взглянул ни разу. – Это верно. Все книги волшебные нам расскажут.

– Тогда быть может, ты и мне будущее предскажешь?

– А свое будущее ты и сам знаешь. Великое и славное оно, как и держава твоя.

– Хорошо, а будущее вот этого отрока предсказать можешь? Воспримет ли он мои дела великие? Не опозорит ли моего имени славного?

И тут старый волхв впервые оторвал голову от книги и посмотрел на Ваню. Так глянул глазами колючими все видящими, что мальчик похолодел весь от волнения.

– Сей отрок славный путь пройдет, – задумчиво произнес волхв. – Куда более славный и великий, чем ты, царь Дубрав. Расширит он твоё царство ровно в десять раз, и раскинется оно по всему миру и осветит его своим светом великим и словно солнцем ярким. Три океана будут омывать его берега, тысячи тысяч людей будут населять его землю, лучшие богатыри земли будут охранять сию землю от злых врагов. И никогда не знать ей в боях поражения. Только все это в дымке туманной видится. Как и любое будущее. Может, сбудется, может, нет. Все от него самого зависеть будет. От его силы и смелости, от его любви к земле родной, к матери и отцу.

Сказал так волхв и снова опустил голову и стал читать. Дубрав удивленно посмотрел на старца, потом на Ваню. Покачал головой. Долго ничего сказать не мог. Наконец заговорил:

– Что же мне тогда делать, коли все сын мой сделает? На печи лежать, да смерти ждать?

– Смерть не надо ждать. Смерть сама придет.

– И когда же ко мне смерть придет?

– Очень хочешь ты про то узнать, или просто так, государь расспрашиваешь?

– Нет не просто так. Любопытно мне. Это, в каком же бою сражении, пасть придется мне? С каким врагом? От меча булатного, от копья ли вострого, или стрелы коварной черным зельем смазанным?

– Не в бою ты умрешь, государь Дубрав. Что тебе булатный меч? Что копье иль стрела? Не берет это все вековой да дубовый ствол. Ты померешь от того, же от чего же и я.

– От чего же, – царь начал терять терпение. – Скажи же, пень трухлявый. Не томи.

– От старости будет смерть твоя. Да от древности.

Дубрав рассмеялся:

– Вот так предсказал! Что же и на том спасибо. – Хотел уже царь прочь от волхва пойти, да задумался и обратно вернулся. – Только старость ведь тоже разная бывает. Кто-то семь десятков лет проживет, и на том завершён его век, ну а кто-то и сто двадцать лет по земле идет не споткнется. Так, когда же моя старость придет?

– Говорил же я тебе, – как ребенку неразумному сказал древний старец царю великому, – будущее у каждого двояко. А то и трояко. А пред иным и вовсе в пять дорог уносится. Угадай, какую он выберет. – Старик вдруг уставился на царя воспаленными глазами. – Хочешь ты узнать, когда старость твоя? Изволь, скажу. Пнем трухлявым обозвал ты меня. Что ж, так оно и есть. Свой срок я уже прожил. Только вот не пройдет и седмицы, а ты уже таким же трухлявым пнем станешь. И раскроет смерть над тобой вороновы крылья свои...

Не успел окончить речь свою старый волхв. Царь Дубрав, который слушал его с великим вниманием, при последних словах не выдержал. Запылало его лицо гневом великим, поднял он плетку, коей коня своего стегал, да обрушил ее на волхва старого. Тот так и повалился, чуть не замертво. Застонал от боли. Но книгу из рук не выпустил.

– Вот тебе, старый ворон, – сказал ему царь, – будешь знать, что каркать. Надо же что выдумал! Что умру я через семь дней от старости. Что за день сегодня такой? То медведя мне не дают убить, а потом словно младенца сказками про звериный да птичий язык утешают, то смерть сулят близкую от старости. И это в молодые годы? А ну взять его, да посадить в погреб каменный. Пусть он там охладится немного, да в себя придет!

Последние слова царь сказал своим слугам, которые как раз появились среди деревьев. Долго они искали царя и царевича. Только следопыты среди них есть отменные. Отыскивали и нашли.

Схватили слуги царские старика, по ногам и рукам его связали, бросили на телегу, где охотничьи трофеи лежали.

А царь домой поскакал. В Князьград. Лицо у него чернее тучи грозовой. Слова вымолвить не может. И к нему никто с речью обратиться не осмелится. Даже Ваня царевич, сын его и тот боится на отца глянуть. Страшно ему. За отца страшно и боязно. Сердце болью вдруг невиданной наполнилось. А ну как сбудется предсказание старца древнего?

И едут домой царь, царевич, дружинники и слуги царские и не знают того, что в это время в городе, в тереме царском, в его спальне творилось.

А только в покои царские через потайной ход, который только одному царю известен был, ни один стражник о нем не знал, пробрались царица Забава, да служанка ее Хазария.

– Вот постель его, – прокаркала радостным голосом Хазария. – Здесь он сил набирается. Здесь сны сладкие видит. Так отнимем же у него силы великие, нарушим покой и сон мирный богатырский!

Забава опасливо осмотрела царскую постель и вдруг почувствовала страх. Задрожала, побледнела, из больших глаз слезы потекли.

– Может не надо, а, Хазария? – с мольбой в голосе воскликнула она. – Воротимся, пока не поздно.

– Не отступай, матушка! – Хазария схватила царицу за руку и с силой привлекла к себе. Указала ей на постель супруга царственного. – Коль не сделаешь, как я скажу, никогда не лежать тебе в этой постели тогда. Не миловаться с царем, ни поцелуями сладкими обмениваться. Другая тут ляжет. На белы простыни, на перину лебяжью, на подушки пуховые. Муромчанка. Поляна. И тогда навсегда уже позабудет тебя царь. Вон прогонит, как и сыновей твоих. Хочешь этого? Воротись тогда. Но уж я тебе, потом не помощница!

– Ладно, ладно Хазария. Будь по-твоему. Что мне делать, скажи.

Достала из своей сумки холщевой, цвета черного, горсть земли серой, высохшей.

– Вот земля с кургана хазарского, кургана могильного. Ты посыпь ее под кроватью рукой своей. – Чуть не силой заставила она дрожащую царицу взять могильную землю и пригнула ее к полу. – Сыпь же. Сыпь!

Стала Забава сыпать землю под царской кроватью на половицы соломенные, которые потом старуха шкурами дорогими соболями да кунными, закрывала. Закрывала, да приговаривала:

*Ты могилы дух, укрепи себя,
Отними у царя силу буйную.
Убели сединой его голову.
Да расслабь его мышцы сильные.
Преврати молодца в старца древнего,
Чтобы месяц ему только жить осталось.*

Когда могильная земля кончилась, старуха достала из той же сумки пузырек из черного стекла свинцовой пробкой запечатанный. Открыла его и протянула царице:

– Теперь окропи постель его, белы простыни шелковые, да одеяло парчовое, подушки мягкие. Ничего не забудь.

– Что это? – Забава была ни жива, ни мертва.

– Мертвая вода. Там в хазарском царстве курган могильный насыпан был над великим царем колдуном Шамаханом. С того кургана земля моя. А под ним потом ключ забил водой прозрачной, да манящей. Только кто напьется воды той, сразу замертво падает.

Всучила пузырек с мертвой водой Забаве Хазария и заставила ее этой водой окропить постель царскую, а сама еще раз свое заклинание страшное прочитала.

– Вот и все сделано! – удовлетворенно произнесла она. – Теперь иди спокойно, царица. И не думай ни о чем. Все само собой сделается. Ступай тем же путем, что и пришла. Ступай. Встречай царя. Он как раз с охоты своей возвращается с сынком своим новым любимцем уже ставшим.

– А ты?

– А я? За сынами твоими отправлюсь. Пора их домой из похода возвращать. Через три дня они нам здесь нужны будут. Не волнуйся, не бойся ничего, не печалься. Я мигом. Уже к вечеру все сделаю. А ты иди.

Выпроводила она Забаву из спальни. Одна осталась.

– Наконец-то! – воскликнула. – Дождалась я своего часа. Дождалась! Отомщу я Дубраву державному! Погублю его навеки вечные. Умрет он от преждевременной старости. А сыновья его глупые, злыдни неразумные, передерутся между собой за трон отцовский, посеют смуту великую, ослабят царство отцовское. Как прознают про то враги Дубравовы, со всех сторон на державу его накинута, и раздерут как коршуны голубку белую. Так свершится месть моя за царство мое разрушенное, за империю Хазарскую.

Сказала она так и превратилась в ворону черную. Расправила крылья и вылетела в окно. Каркнула три раза, пролетела три круга над царским дворцом и на юг полетела. А под главными воротами в Князьгород увидела царя в столицу въезжающего. Еще раз торжествующе каркнула и улетела в ту сторону, куда Ратмир со своей дружиной отправился.

Былина пятая

ПРЕДСКАЗАНИЕ СБЫВАЕТСЯ, РАТМИР И РАТИБОР ВОЗВРАЩАЮТСЯ, ПОЛЯНА И ЦАРЕВИЧ ВАНЯ ПОПАДАЮТ В ТЕМНИЦУ

Едет Ратмир царевич со своей дружиной верной на юг, едет не торопится. Не стремится его сердце молодецкое ко встрече с врагами степными, лихими конниками Пыলেখана царя половецкого. Не гонит он коня своего. Медленным шагом конь его плетется. Дружинники тихо меж собой посмеиваются.

– Не скоро вынем мы мечи булатные, не скоро зазвелят наши стрелы острые.

Ратмир видит их недовольство, но молчит. Не их дело холопы царские дела обсуждать. Только его воля на дела его.

Вдруг видит вдалеке камень стоит, а на нем что-то написано. Поскакал Ратмир к камню этому, Мефодия слугу с собой кликнул, что грамоту понимает. Сам то Ратмир до учебы всегда ленив был, грамоту терпеть не мог. Да и матушка учиться не заставляла, никогда не настаивала.

– Побереги глазоньки, сынок, – говаривала. – За тебя всегда слуги прочесть все сумеют.

Остановился у камня.

– Читай, что тут! – Мефодию приказал.

– Кто влево пойдет, смерть свою найдет, – читает Мефодий. – Кто вправо повернет, в бою погибнет. А кто вперед пойдет, и жизнь потеряет, и славы не найдет.

– Прочь ступай! – крикнул слуге Ратмир.

А сам задумался. Это в какую же такую сторону ему путь держать?

И тут на камень ворона села. Крылышки клювом почистила, на царевича хитрым глазом уставилась. Стеганул ее Ратмир нагайкой. Не попал, промахнулся. Отлетела птица в сторону, каркнула.

– Что, подлая, смерти моей ожидаешь? Чтобы косточки мои поглотить, да глаза мои выклевать? Не дождешься! – Проворчал Ратмир.

– Кар! Кар! Глупец! Не нужны мне твои косточки! – вдруг ответила ворона человеческим голосом. – Поворачивай-ка ты назад, да возвращайся домой.

– Что так?

– В доме у тебя беда.

– Беда?

– Помирает твой батюшка.

– Вот как? Неужто умирает? А не врешь? Вдруг вернусь, а он жив, здоров, да на меня за то, что вернулся, прогневается?

– Дело твое, – спокойно сказала ворона. – Езжай к Пыলেখану в степь далекую, где засады в каждом овраге тебя дожидаются. Только брат твой Ратибор, видать умнее тебя, паруса уж раскрыл, в Князьгород торопится.

Услыхал про брата Ратмир, да погнал коня к дружине.

– На Князьгород идем! – закричал. Но ворону даже оглядываться не стал.

Пропали из глаз дружинники с царевичем, а ворона Хазарией обернулась, расхохоталась.

– Скачи, царевич, скачи! Ждут тебя в Князьгороде, дожидаются.

Затем она обернулась черной чайкою и на север полетела к морю синему, к Студеному.

Мчатся по реке Новь ладьи быстрые, плывут челны дубовые. Попутный ветер паруса надувает, весело скрипят весла в руках гребцов удалых. В главной ладье Ратибор стоит хмуро в даль глядит. Скоро море бурное, море холодное, за которого далями синими королевство Свейское находится, где живут ледоморы дикие. Люди дикие яростные, воины отменные. Не плывут ли они на своих быстрых длинных суденышках под парусами полосатыми, с драконами да змеями на носах?

Вдруг на нос ладьи прямо перед ним чайка села. Чайка черная, словно из печной трубы. В клюве рыбина у птицы. Злым глазом на царевича смотрит. Проглотила рыбину чайка и по-человечьи заговорила:

– Братец твой царевич Ратмир назад повернул, на Князьгород идет.

– Как же это он приказа батюшкиного осмелиться решился? – удивился Ратибор. Тому, что птица с ним по-людски заговорила, даже не удивился.

– Как же можно бояться того, кто при смерти лежит, при последнем издыхании?

Сказала так чайка и улетела. А Ратибор подумал немного и закричал кормчему:

– А ну вертай назад! Поворачивай! Возвращаемся во Князьгород, на родину.

Повернула дружина Ратиборова корабли свои, пошла полным ходом обратно туда, откуда выплыла.

А в Князьгороде ничего этого не знали, жили своей жизнью. Только царь вдруг ни с того ни с чего вдруг хмурым стал. Грозно глянул он на Забаву жену свою, когда с охоты вернулся, ничего не сказал, лишь в покои свои направился.

Царевич Ваня хотел было проводить его, да отец не велел:

– Ступай к себе, без тебя обойдусь!

И ушел Дубрав в свою спальню царскую, широким шагом, сапогами гремя. Велик и грозен.

Посмотрел ему вслед царевич Ваня и понял, что беспокоило его. Еще больше встревожился он, когда увидел, как несут в темницу старого волхва.

А старец увидел, как на него мальчик уставился и проскрипел обессиленным голосом:

– Вот, царевич и пришла твоя пора за будущее свое начать борьбу. Теперь только от тебя зависеть будет, когда старость согнет и в могиле сведет твоего батюшку, сейчас или потом.

Ничего не ответил ему Ваня. Непонятны ему были эти речи замысловатые, чернокнижным языком сказанные.

А царь Дубрав пришел к себе в покои и сразу почувствовал небывалую усталость. Захотелось ему прилечь отдохнуть, и бухнулся он, не раздеваясь на кровать проклятую. Как упал, так и заснул тяжелым сном, больше похожим на сон покойника. Лежит не дышит. Только стонет изредка.

Проснулся он на следующее утро и встать не может. Сил нет.

– Что такое? – удивился царь. – Эй, слуги мои верные, постельничии, идите сюда.

А слуги уже давно его зова ждут, вбегают, еще царь последние слова не окончил. Как вбежали, так и замерли. Царь Дубрав с трудом поднялся, нашел в себе силы и на слуг гневно крикнул:

– Что стоите, али не видите, одеваться мне пора?

Подбежали слуги, стали царя одевать. Одевают, а сами глянуть на него боятся, глаза отводят, с взглядом царским встретиться опасаются.

– Да вы что? – Дубрав чуть не в ярость пришел. – Отчего от меня отворачиваетесь? Почему в глаза не глядите, словно воры грязные? Или что-то да со мной не так?

Упали слуги на колени и взмолились:

– Не вели казнить нас, царь отец, да только изменился ты сильно. Словно двадцать лет прошло, а не одна только ночь.

– Что вы такое болтаете? Иль плетей вам захотелось, язычники?

И хотя рассердился царь Дубрав, а только все равно обеспокоился. Велел зеркало себе принести Венецианским королем подаренное. Принесли ему зеркало. Глянул в него царь и отпрянул в ужасе. Из стекла на него не богатырь глядел, а человек жизнь повидавший, с седыми прядями в волосах.

– Что это со мной? – воскликнул Дубрав. – Неужто прав оказался старый бес, и старею я?

Кончили слуги одевать царя. Поднялся он, схватил со спинки кровати меч свой верный двухпудовый и ну им над собой вертеть. Только ветер ходуном заходил. Слуг так и сдуло.

Засмеялся Дубрав, сразу себя лучше почувствовал.

– Есть еще сила богатырская! – воскликнул.

И пошел он в Большую палату, где его престол стоял, чтобы царскими делами заняться. Делами важными, государственными. А там его уже бояре ждут. Старец Брадомир, только глянул на царя, лишь головой покачал:

– Что с тобой, царь батюшка? – молвил он опасно. – Уж не захворал ли? Или может, плохо спал?

Только так грозно глянул на него Дубрав, что боярин язык прикусил, больше об облике царском слова не вымолвил. Ну, уж, если сам Брадомир об этом молчит, то уж другим и подавно говорить об этом и на ум не придет, да и язык не повернется.

Весь день царь занимался государственными делами вместе с думой боярской. До вечера на престоле сидел с короной на голове. Столько грамот да приказов принял и подписал, сколько за пять лет успеть раньше не мог. А только вечер наступил, захотел царь с трона подняться, а не может. Опять слуг кличет.

– Что-то мне тяжело встает, – пожаловался, когда его поднимать стали. – Словно к трону прирос. Что значит, весь день просидел без движения. Для богатыря это тяжелее десятка сражений. Ой, тяжела ты, корона царская. Голова от тебя разболелась. Спать охота.

И еле дошел он до спальни своей и замертво на кровать бухнулся. Даже раздеваться не стал.

А по городу уже слух прошел, что царь заболел. Люди волноваться на улицах начали, слухами нелепыми обмениваться.

Прослышал про болезнь отца и Ваня царевич. Перепугался. Расстроился. Побежал к тронному залу царскому, к Большой палате, где совет и дума заседали, да только стража его не пустила.

– Не велено никого впускать!

– Кем не велено? = удивился Ваня.

– Государем.

Ничего возразить на это. До вечера ждал мальчик, когда отец закончит управлять царством своим и на ужин отправится. Да только не дождался. Царь ужинать не стал, сразу спать отправился. Не успел с ним царевич встретиться. Около большой двери ждал его выхода, а царь малой дверью воспользовался. Другой стороной пошел к спальне своей. Об этом Ване шепотом Антошка доложил. Прибежал взволнованный и испуганный.

– Кажется, царь и впрямь заболел, – напоследок сказал.

Побежал Ваня к покоям царским, да только не успел. Царь прямо перед его носом в спальне палате скрылся. Стражники с бердышами за ним двери закрыли и опять царевичу дорогу преградили.

– Пустите к батюшке! – взмолился Ваня.

– Не велено! – был ему ответ. – Никого к себе государь пускать не велел.

Пришлось идти прочь от покоев отцовских.

– Видел? – спросил Антошка царевича, когда тот к себе в светелку пришел. – Видел царя? Видел батюшку своего? Говорил с ним?

Поглядел на друга царевич Ваня и вздохнул:

– Не пустили меня телохранители отцовы, псы верные даже за порог. Только спину батюшкину и видел.

– И что скажешь?

– Изменился он. Словно и впрямь заболел. Нет осанки прямой и гордой, что прежде была. Словно что-то пригнуло его. То ли забота, то ли печаль. Наверно по братьям моим тоскует, – поделился своими мыслями с Антошкой царевич Ваня.

– А я его лицо успел разглядеть, – сказал Антошка. – Изменился твой батюшка. Очень изменился. Словно другой человек стал. Постарел будто лет на двадцать. Даже в волосах седина засеребрилась.

– Постарел? – воскликнул Ваня. И вдруг он с ужасом вспомнил, что обещал царю старый волхв. И волосы у мальчика зашевелились на голове от ужаса. – Неужели предсказание сбываться началось?

– Какое предсказание? – Антошка ничего не понимал, от чего вдруг Ваня так взволновался.

И царевич рассказал тогда ему о том, какая встреча была у них с волхвом.

– Так это его старик наверно околдовал! – воскликнул Антошка. – Не иначе вы с черным колдуном повстречались.

– Но он не черный, а белый и не колдун вовсе, – Ване не хотелось верить в плохое. – Может все так просто хворь у государя нашего?

– Может и хворь.

На том они спать и легли.

А когда они утром проснулись и встали, во дворце уже самая настоящая паника была.

– Царь государь заболел! – кричали во всех палатах, во всех теремах. Повсюду носились люди. А по двору бегали дружинники Дубравовы, окружали царский дворец, чтобы взволнованный народ, люд посадский Князьгородский во двор не кинулся.

Стали царевич Ваня и Антошка расспрашивать и вот какую весть узнали.

Прибежали на утро слуги царские, чтобы государя одеть и чуть со страху не умерли. В постели лежал, рук и ног поднять не мог царь Дубрав. Да только было ему на вид уже и не шестьдесят лет, как вчера, а все восемьдесят.

– Что пали ниц? – слабым голосом крикнул слугам царь. – Несите мне быстрее зеркало!

Принесли ему зеркало. Глянул на себя, старого да немощного царь, и полились по его лицу слезы горькие. Затем гневом засверкали глаза его. Стукнул он кулаком по зеркалу, разбил его на сотни кусков. Закричал:

– Нет! Не старик я еще! Не старик.

Собрался он с силами, встал с постели на пол, мягкими шкурами устеленный, пошатнулся, но на ногах устоял.

– Вот видите? – засмеялся. – Я еще молод! И полон сил.

Снял он со спинки кровати меч свой богатырский, с трудом над головой поднял, попробовал повертеть. Два раза махнул, да чуть не упал. Стоит отдышаться не может. Смотрит на лезвие меча булатного, и видит, что наполовину ржавчиной оно покрыто. Не блестят, не играют на нем солнечные лучи.

Рухнул обратно на кровать Дубрав. Руками лицо закрыл. Застонал:

– Волхва ко мне! Старца белого. Приведите сейчас же!

И приволокли к нему старика волхва. Кинули его к царским ногам. Рядом с Дубравом Забава. За царем ухаживает, за ее спиной Хазария недобрыми глазами поблескивает. На волхва с опаской поглядывает.

– Говори, старик, – обратился к волхву царь, – говори, что со мной такое делается? Отчего старость раньше назначенного времени ко мне пришла, почему за ней смерть подкрадывается? И что делать мне?

– Ты уже ничего делать не сможешь, – с усмешкой ответил царю волхв. – Ты теперь такой же, как и я, пень трухлявый. Любой пнет тебя ногой, ты и рассыплешься.

– Насмехаешься надо мной, старик? – богатырским криком взревел царь. Только голос у него богатырским пока и остался. – С кем говоришь, забыл. – Но силы быстро оставили царя, и он упал на подушки. Заговорил тихо. – Обидчивый ты, как я погляжу. Ну да ладно. Квиты мы теперь. Излечи меня, старик. Никаких денег не пожалею.

– Не лекарь я, царь батюшка, – ответил старец. – Да и если бы был лекарем, ничего поделать не мог. Не от болезни тебя лечить надо.

– Отчего же?

– От колдовства.

Забава и Хазария отпрянули назад со страхом, да только царь этого не заметил, а другие, слуги, воины, бояре, что здесь были, также испугались, и внимания на них не обратили.

– А я не колдун, – продолжал волхв. – Я всего лишь мудрец. И от чар спастись не умею.

Как про колдовство услышал царь, так сознания и лишился. Рухнул на подушки. Кинулись к нему, глядят, а Дубраву уже и не восемьдесят лет, а прямо на глазах, словно год за годом по его лицу пробегают. Волосы белее снега становятся, лицо усеивают морщины глубокие, кожа темнеет и вваливается, борода вывалилась, губы тонкие бескровные и вовсе пропали. И вот уже старец столетний лежит без движения на царской постели. Глаза закрыл. Не дышит. Словно мертвец.

– Злодей! – закричала тогда диким голосом царица Забава. – Как ты смел так царем разговаривать? Грубо так, непочтительно! Уведите его, допросите его, дознайтесь, кто колдовство учинил. Да утопите потом в ледяном колодце его!

Тут же дружинники Дубравовы схватили старца и поволокли на улицу. Только по дороге их боярин Брадомир остановил. Приказал не в колодец старца бросить, а обратно в подвал темный каменный отправить. В темницу сырую, где ни окон, ни дверей, только дыбы по стенам развешаны, да клетки стоят звериные.

А царь Дубрав больше в себя уже и не приходил. Остался лежать безмолвный и недвижимый. И сразу всю власть в руки свои Забава взяла. Тут же стала приказы направо налево отдавать.

– Закройте окна, чтобы воздуха не было, сквозняк царю вреден, и солнца глаза слепит. Притворите ставни. Выставьте стражи больше! Да пошлите гонцов к сыновьям Дубравовым, к царевичу Ратмиру и царевичу Ратибору. Вот им письма мои. Пускай из похода назад возвращаются. Ой, же горе великое! Ой, печаль великослезная!

И словно в ответ на ее слова, раздался во дворе дворца топот ног лошадиных, и увидели люди, как с одной стороны, в южные ворота въехал царевич Ратмир, а в другие ворота северные, вбежал Ратибор. Увидели они друг друга. Посмотрели с ненавистью, но ничего не сказали, а побежали к матушке, к царице Забаве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.